

С. И. Голод

РОССИЙСКИЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ (вторая половина XX столетия) *

Да не будет стыдно говорить то,
что не стыдно чувствовать.

М. Монтень

Собранный мной эмпирический материал высвечивает мозаичное плотно эротико-сексуального взаимодействия мужчин и женщин в последние 30–40 лет [1], что само по себе является значительным шагом в «расколдовании» этой приватной сферы. Более того, открылась возможность вписать обозначенную область в общекультурный ландшафт. Однако на этом пути перед исследователем возникает ряд препятствий, главное из которых — нахождение адекватного критерия «нормы». Ведь если оценить выявленные трансформации с позиций иудео-христианского кодекса, то вольно или невольно приходишь к заключению о беспредельной греховности современного человека. Спросим себя: так уж ли неординарна эта ситуация? Ни в коем случае. Аналогичное состояние нравов в России за последнее столетие фиксировалось, по меньшей мере, дважды — в начале века и в 20-е годы [2–5]. Какова же природа данного феномена? Вот одна из наиболее правдоподобных объяснительных версий: актуальное сексуальное поведение изменяется под влиянием общесоциальных перемен периода позднего модернизма и становится полифункциональным, при этом норма, в силу своей инертности, перестает отвечать новым реалиям. Здесь уместно будет привести максимуму Сенеки: *Qual fuerant vitia, mores sunt***. От себя добавлю: в ситуации социальных «переломов» наблюдателю важно избежать крайности — как морализаторства, так и солипсизма.

Напомню, что обострение указанного противоречия в морально-философском плане обсуждал еще Вл. Соловьев. Он высказал соображение о непригодности «естественности» — прокреации в рамках легитимного союза — в качестве показателя нравственности сексуальной экспрессии [7]. Как ни странно, и по прошествии века лишь небольшое число специалистов согласны с тем, что традиционный критерий, не отражая сути эмоциональных сопереживаний, ав-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта РФФИ (99-06-80309).

** «Что было пороками, то теперь нравы» (*лат.*) [6, с. 30].

Голод Сергей Исаевич — д-р философских наук, директор Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Адрес: 198005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Тел.: (812) 316-34-36, факс: (812) 316-29-29. E-mail: go@sociology.nw.ru.

торитарно предписывает формальные границы их моральности: брак — не брак. Сексуальность, таким образом, рассматривалась на протяжении многих веков вне контекста имманентных ценностей культуры — эроса и любви*, которые попросту исключались из сколько-нибудь серьезных обсуждений. Следы засилья этой дихотомии прослеживаются в научной литературе и поныне. Проиллюстрирую свою мысль двумя примерами.

Немецкие социологи, рассматривая сексуальность мужчин, акцентировали три позиции — экстенсивность, редуцируемость и контакты вне супружества; последние без видимых колебаний относились ими к разряду «измен» [9, S. 146]. Логика прозрачна: адюльтер во всех без исключения случаях аморален. Право же, не столь строги и однозначны в своих суждениях о «греховности» страсти были даже церковные деятели. При расследовании сексуальных связей вне брака — читаем в одном из пенитенциарий, — надо принять во внимание, красива ли женщина, так как меньше согрешит тот, кто познает красивую, чем тот, кто познает безобразную. Красивая привлекает сильнее, а где больший соблазн — меньше грех. Необходимо также выяснить, применял ли согрешивший насилие, ибо сильнее провинится тот, кто применял силу, чем тот, кто познал женщину по добровольному согласию. Важно установить, возжаждал ли он, как только первый раз ее увидел, или же воспламенялся постепенно. Ибо сильнее согрешит тот, кто совратился с первого взгляда, чем тот, кто воспытал при долгом общении. Надо также принять во внимание, что адюльтер хуже простого блуда, инцест — хуже прелюбодеяния, противоестественное совокупление хуже инцеста [10, с. 111]. Значит, хотя внебрачная связь и хуже блуда, но все же лучше инцеста, не говоря уже о зоофилии. Служители культа оказались более убедительными в своих суждениях о пределах и направленности экспрессивных потребностей человека, чем представители интеллектуальных кругов.

Не менее наивны и неуклюжи попытки финских социологов свести социальный контроль сексуальности к двум вариантам — «традиционному» и «либеральному». Традиционная норма, согласно их мнению, отличалась строгостью — она преследовала цель укрепления «гетеросексуального брака» и жесткостью «регулирования репродуктивного поведения женщин». Либерализация нормативности сопровождалась плюрализацией сексуальных практик, их одобрением и интенсификацией, а также «опережающей вовлеченностью в этот процесс женщин». Вместе с тем авторам приходится признать, что указанные регулятивные системы не охватывают всего набора сценариев. Так, у поколения финнов, рожденных между 1962 и 1978 гг., актуальное поведение по-прежнему либерально, в то время как некоторые аттитуды всплывают из патриархального небытия, в частности, «идеал верности в браке» [11, р. 133–134]. Стало быть, в молодости «норма» —

* Я в целом разделяю следующие положения О. Паса: «Сексуальность — свойство животных, эротика — человека. Эротика проявляется внутри общества и состоит главным образом в преобразении инстинкта продолжения рода, сексуального порыва в некое действие. Любовь, в свою очередь, тоже есть ритуал и действие, но и нечто большее: это... очищение, которое превращает как субъект, так и объект эротической встречи в единственные в своем роде личности. Любовь — метафора, венчающая сексуальность... Нет любви без эротики, как нет эротики без сексуальности» [8, с. 225].

множество партнеров для обоих полов; однако когда люди повзрослели и вступили в брак — один супруг (а) и на всю жизнь! Говоря без обиняков, девственность ни во что не ставится: будучи холостым (незамужней) ищи и экспериментировать, но заключив легитимный союз, человек (будь то мужчина или женщина) *должен* радикально изменить свой чувственный облик — стать целомудренным. Парадокс? Ничего подобного, уверяют исследователи: нам посчастливилось присутствовать в момент рождения нового поколения — «поколения равенства» или, точнее, «амбивалентного поколения». Небогатая аргументация. На самом деле, здесь легко различима апологетика двойной морали и оппозиции брачной и внебрачной сексуальности периода патриархальной цивилизации.

Вернемся в основное русло анализа. Критерий нормы, согласно моему видению, должен отражать качественную сторону взаимодействия полов или субъектов (очевидно, нет оснований исключать из круга рассмотрения людей с гомогенной идентификацией), другими словами, улавливать, в какой мере естественные отношения превратились в человеческие. Искомый показатель нетрудно представить в виде континуальной шкалы соотношений — по нарастающей отчуждения — «духовного верха» и «материально-телесного низа» (М. Бахтин).

Удовлетворенность, получаемая индивидом от сексуальных контактов, как правило, находится в тесной связи со степенью его духовно-эмоциональной вовлеченности, с глубиной и яркостью чувств. На инструментальном уровне «духовно-эмоциональная вовлеченность» есть не что иное, как определенное сочетание трех компонентов — *экспрессивности*, *избирательности* и *нравственной целостности* (созвучия вербального и актуального поведения)*. Никакие характеристики деятелей, связанные с их профессией, социальным статусом, этнической принадлежностью, религиозной конфессией, возрастом, брачным состоянием и т. п., уверен, не могут на рубеже веков соперничать с мерой духовно-эмоциональной вовлеченности, когда речь идет об обосновании и нравственной оценке эротических сопереживаний. Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что частные показатели в отдельности и в каждом индивидуальном случае не всегда отражают качественное состояние интеракции. И все же при опросе значительного числа людей велика вероятность того, что «случайность» связи в сочетании с принципиально негативной ее оценкой, гетерогенностью социального статуса и культурных запросов партнеров выльется в максимально отчужденные контакты. Любовная же мотивация отношений, сопровождаемая их одобрением и гомогенностью культурных интересов партнеров свидетельствует о гармонии души и тела. Побудительный мотив вступления в эти связи и тип партнера дают возможность определить степень оправданности сексуальной практики социальным актером в свете господствующих общественных представлений и стереотипов. Негативная оценка

* Мера *экспрессивности* рассчитана по пятичленной шкале мотивов вступления в сексуальные связи; *избирательности* — по пятичленной шкале типов партнеров и *нравственности* — по трехчленной шкале установок на принципиальную возможность нелегитимных сексуальных практик.

контактов вне рамок института брака человеком, который тем не менее их реализует, должна, по-видимому, указывать на отсутствие экспрессивности и избирательности, тогда как положительная установка, по меньшей мере, — на согласованность нравственного убеждения и практики.

Похоже, я приблизился к цели: то или иное сочетание указанных параметров позволяет выстроить пять базовых сексуальных стандартов*.

Первый — *любовный*. Сексуальные отношения вне брачного союза оправдываются; побудительный мотив — любовь; в качестве партнера предпочитается «близкий друг» (boy-friend) или жених, близкая подруга (girl-friend) или невеста. Любовь в данном случае есть стремление к эстетическому идеалу, сочетающееся с естественным влечением к определенному конкретному лицу, к физической близости с ним. Такое поведение отличает высокая степень избирательности, истинная интимность, эротическое созвучие и физиологическое наслаждение (оргазм). Словом, естественные отношения в данном случае преобразуются в человеческие, а человеческие становятся естественными. В соответствии с классической древнегреческой классификацией психоэмоциональных стилей, очерченное состояние не что иное, как *эрос* — страстная любовь-увлечение, стремление к полной физической гармонии.

Второй — *гедонистический*. Возможности нелегитимных связей поровну оправдываются или неопределенно оцениваются. Ведущий мотив вступления в общение — сексуальное влечение, реже — любовь. В качестве партнера (ши) предпочтение отдается «boy-friend» («girl-friend»), подчас эта роль отводится жениху (невесте). Фактически гедонизм отличается от любви превалированием чувственного наслаждения, телесным изыском, превращением сексуальности в самоцель (в древнегреческой терминологии это *людус*, любовь-игра).

Третий — *рекреационный*. Сексуальные отношения до вступления в легитимный союз чаще оправдываются, реже — расцениваются неопределенно; мотивами в равной мере являются сексуальное влечение и любопытство; характерен качественно иной, чем в предыдущих случаях, партнер — мужчина (женщина) значительно старше по возрасту, зачастую состоящий(щая) в браке. Более всего в этих отношениях ценится широкий диапазон сексуальной дозволенности (и обучаемости) и отсутствие сколько-нибудь твердых взаимных обязательств. Такие контакты древние греки называли — *прагма*, т.е. рассудочные, легко поддающиеся сознательному контролю.

Четвертый — *познавательный*. Здесь, как правило, отсутствует однозначная (позитивная или негативная) оценка возможности сексуальных отношений вне границ брака; ведущий мотив — любопытство, а партнер — по преимуществу друг (подруга) одной возрастной когорты. Такого рода связи присущи в большей степени 14-19-летним, у которых контакты редко основываются на избирательности, являясь, скорее, средством познания психоэмоционально-физиологических процессов человеческой жизнедеятельности.

* Уместно оговорить следующее: за рамками анализа остались проституция и любовь как этнокультурная ценность, первая принципиально не отличается от релаксационного стандарта, а вторая — явление уникальное: вечное стремление к пределу достигается весьма редко и чаще всего ненадолго.

ти, удовлетворением сексуального любопытства: «А как это делается?». Не легко подыскать аналогию с древнегреческим миром, — наиболее близкая — *псевдоагапэ*.

Пятый — *релаксационный*. (Как уже отмечалось, практически на том же эмоционально-нравственном уровне — максимально отчужденном — находится и проституция, которую отличает, в первую очередь, предваряющее условие: купля-продажа *тела*. И самое важное — проституция имманентна патриархальной цивилизации, релаксация, по-видимому, постоянный спутник человека [12]). Мужчины и женщины, вовлекаемые в такие контакты вопреки своим моральным установкам (сексуальные связи до заключения брака ими по преимуществу осуждаются), эмоционально индифферентны, у них не сформирована избирательность (партнеры как женатые/замужние, так и холостые/незамужние во всех случаях старше по возрасту и гетерогенного социально-культурного статуса), примитивна шкала побудительных мотивов сближения: от любопытства до соблазнения и случайности. Индивиды, придерживающиеся релаксационного стандарта, используют разветвленные, но малоустойчивые сети (*network*) и поэтому, что вполне естественно, деятельность партнеров в других сферах остается вне пределов их интереса. Между прочим, в обсуждаемом типе отношений с наибольшей пронзительностью высвечивается близость практик гетеро- и гомосексуалов. «Разрядка» последних, к примеру, довольно часто происходит в общественных туалетах [13]: орогенитально, быстро, в темноте, чтобы не быть застигнутым *in medio coitu*. Релаксационные связи — «пандемоничны». Им покровительствует, по Платону, Афина Пандемос — пошлая, доступная, всем понятная [14, с. 106-107].

Зададимся вопросом: обогатились ли наши знания о сексуальных стилях и механизмах контроля в результате применения типологического анализа? Ответ, скорее, положительный. Во-первых, что касается поиска нормы, то переход от детерминистского критерия (дихотомия: брак — не брак) к релятивистскому (континуум: уровень духовно-эмоциональной вовлеченности) позволил сделать пейзаж более рельефным: единообразие сменилось полифонизмом, заполнилось все интерактивное поле. Во-вторых, повседневные практики теперь описываются не в виде отдельных фрагментов (начало вступления в сексуальные связи, количество партнеров, мотивы и т.п.), а сочетанием значимых элементов, в сумме представляющих оригинальные сексуальные сценарии. В-третьих, приоткрылась возможность сопоставления во времени изменений баланса тех или иных стандартов и, следовательно, воспроизведения целокупного состояния нравов того или иного исторического периода как в отдельно взятой стране, так и в межкультурном разрезе (рис.).

Предвижу: сравнение сексуальных стилей середины 60-х и 90-х гг., может вызвать возражения, иные скажут — не противоречит ли рост числа молодых людей, вовлекаемых в сексуальные связи до заключения брачного союза, снижение порога начала сексуальных практик и т.п. расширению зоны качественно богатых отношений (с 35% в 1965 г. до 65% в 1995 г.)? * Постараюсь развеять эти сомнения.

* Я оперирую опросной информацией, собранной в течение 1965–1995 гг. [1].

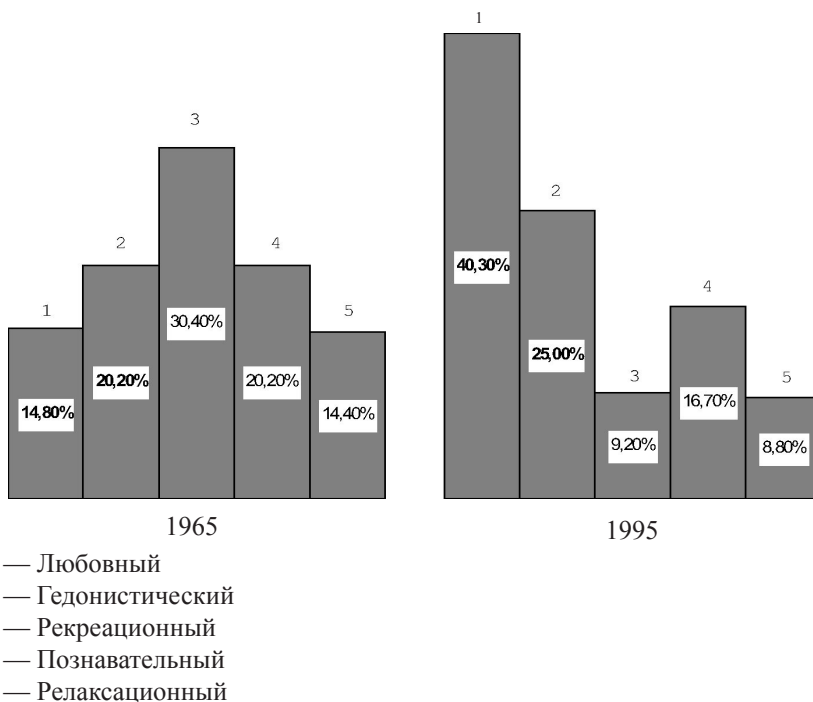

Рис. Соотношение сексуальных стандартов (сценариев) у студентов, опрошенных в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в 1965 и 1995 гг.

Согласно опросным данным, если в 1965 г. в нелегитимные связи вступили 80% студентов и 38% студенток, то в 1972 г. это соотношение составило 78% к 45%, а в конце 70-х — начале 80-х гг. — 84% к 61%. К середине 90-х гг. доля молодых женщин, отметивших наличие добрачного опыта, фактически сравнялась с мужским и достигла 80%. Следовательно, в течение анализируемого периода вовлеченность в обсуждаемые отношения незамужних женщин, постоянно или временно проживающих в Ленинграде (Санкт-Петербурге), увеличилась более чем вдвое. Наряду с этим произошло снижение среднего возраста девушек, начавших активную сексуальную жизнь. Так, максимальное число респонденток, опрошенных в 1965 и 1972 гг., вступили в указанные контакты в 19–21 год. В начале 80-х гг. представительство этих возрастов уменьшилось (на 7 пунктов), но по-прежнему оставалось репрезентативным. В последующие десять лет их удельный вес продолжал снижаться (до 27%); параллельно модальный статус приобретала когорта 16–18-летних подростков (42%). Кстати, раннее приобщение молодых людей к сексуальной жизни с начала 90-х гг. зафиксировано и медиками. Московский венеролог О.К. Лосева с коллегами опросила 120 девушек 14–18 лет, из которых 60 были больны сифилисом (основная группа), а другие 60 (контрольная группа) обучались в медицинском училище. Оказалось, что 60% респонденток основной группы и около 30% контрольной впервые вступили в сексуальные контакты в возрасте 14–16 лет. «Педофильство», что вполне ожидаемо, сопровождалось значительным числом случайных связей (признали 50% больных и 25% здоровых) и частой сменой партнеров (имели *coitus* не менее чем с пятью

мужчинами в первой группе 74%, во второй — 30%) [15, с. 47–48]. Экспериментальные свидетельства, хотя и непредставительны, несомненно, подтверждают тенденцию как к снижению среднего возраста девушек, начавших сексуальную жизнь, так и к противодействию унисексу.

Следует ли специально доказывать, что в массовом сознании под влиянием названных (возраст начала сексуальных связей, частота сменяемости партнеров), да и ряда неназванных (скажем, мотивы контактов, типы партнеров) показателей доминирует оценка сексуальных отношений вне рамок легитимного союза (в первую очередь, адюльтера) как аномальных и безнравственных (по ап. Павлу — «блудливых»)? К слову, озвученная диспозиция подкрепляется веером социальных явлений, воспринимаемых обывателем как сопутствующих разврату — проституцией и наркоманией, венерическими болезнями и СПИДом. Удивительно: мало кого смущает тот факт, что и супружескую пару этот «порочный пучок» также не обходит стороной. Соглашаясь в целом с замечанием Сенеки: *Nullum intra se vitium est**, со всей определенностью утверждаю — в данном случае мы столкнулись с событиями разноплановыми. И действительно, одно дело — расширение ареала венерических болезней и СПИДа, вызванного непросвещенностью, духовной и психофизиологической примитивностью социального актера; другое — качественное насыщение приватного мира человека за счет интенсификации и раскрепощенности эротического сопереживания мужчин и женщин независимо от их брачного статуса.

Преимущественную роль в конституировании сексуальности как целого мироздания, автономного от института репродукции, сыграли экспрессивная эмансипация женщин** и эластичность нравственных ценностей молодого поколения, его толерантность. Определенный свет на этот процесс, прольют, надеюсь, мои новые эмпирические изыскания***. Мужчин и женщин, в числе прочего, просили высказать мнение относительно того, кто из брачных партнеров *должен* быть инициативным, «активным» в сексуальном акте. Какова же реакция (табл. 1)?

* «Ни один порок не бывает сам по себе» (*лат.*) [6, с. 140].

** Будет уместным вспомнить следующую мысль известного российского социолога и историка начала XX в. В.М. Хвостова: «Пролагая пути к новой жизни для себя, женщина тем самым содействует обновлению и укреплению духовной жизни всего человечества, служит тем высшим ценностям — истине, добру и красоте, — без которых самое явление жизни было бы только биологическим фактом» [16, с. 510].

*** В этом разделе статьи обсуждаются данные, относящиеся к сексуальному поведению населения двух городов России (Санкт-Петербурга и Тулы), полученные автором в рамках проекта РГНФ «Субкультурная дифференциация полов: имманентное и историческое» (97.03-04099). Исследование осуществлено группой научных сотрудников СИ РАН: С.И. Голодом, Т.А. Гурко, А.А. Клециным, Н.А. Нечаевой, из которых каждый разрабатывал самостоятельный субпроект и часть методики. Руководили сбором первичной информации в обоих случаях А.А. Клецин и Н.А. Нечаева. В ноябре 1998 г. — январе 1999 г. был проведен репрезентативный (по полу и возрасту) опрос в Санкт-Петербурге. Выборка — районированная, квотированная по месту жительства. Всего опрошено 700 человек. В конце 1999 г. благодаря специальному гранту, полученному от РФФИ (99-06-88029), проведен опрос в Туле. В этом городе репрезентативная выборка была организована по идентичным принципам. Опрошено 400 человек.

Таблица 1

Мнение жителей Санкт-Петербурга и Тулы о предпочтительности сексуальной активности того или иного супруга в зависимости от пола респондента, %

Пол респондента	Санкт-Петербург					Тула				
	«Активный» субъект				Кол-во чел. в выборке	«Активный» субъект				Кол-во чел. в выборке
	Супруг	Нет разницы	Супруга	Затруднился ответить		Супруг	Нет разницы	Супруга	Затруднился ответить	
Мужской	24,7	66,6	4,1	4,4	320	30,6	59,4	3,5	5,9	170
Женский	27,7	57,1	2,1	12,8	382	27,3	61,0	–	11,3	231

Сначала остановлюсь на анализе распределения суждений в каждом из городов. В Санкт-Петербурге более половины респондентов (независимо от пола) не видят принципиальных различий в заинтересованном и раскованном участии в *coitus*'е обоих супругов. В то же время бросается в глаза, что около четверти опрошенных приписывают по традиции ведущую психофизическую инициативность и агрессивность мужчине. В разряд «колеблющихся», затруднившихся однозначно ответить на поставленный вопрос, попало в общем-то небольшое число горожан, при этом обратим внимание — женщин в три раза больше, чем мужчин. Не без основания можно полагать — это ближайший резерв экспрессивно-эротических «уравнителей». И последнее (но не по значимости): нравственно-эмоциональную антивикторианскую направленность жен отстаивает мизерная доля женщин и несколько большая (хотя и она символична) — мужчин. Разумеется, вовсе сбрасывать со счетов эти данные было бы неверно. Насколько плодотворна намечающаяся линия, покажет время, нынче же такой «перевертыш» произвольно побуждает к размышлению. Петербуржцам, стало быть, присущ широкий спектр мнений по поводу места и роли каждого из супругов в эротико-сексуальной интеракции.

Предваряя рассмотрение тульской выборки, скажу следующее. Сравнение данных по двум городам: формально — разной численности, фактически — с отличными культурными ориентациями и наследием, открывает новую перспективу. Пространственный разрез, как известно, способствует достижению эффекта полифоничности: сопоставлению и противопоставлению всего набора практик и мировосприятий.

Итак, наибольшее число туляков не склонны акцентировать экспрессивную активность исключительно одного из супругов; треть по инерции отдает предпочтение в этом отношении мужчине; однозначно затруднились сформулировать свою позицию вдвое меньше мужчин, чем женщин. У населения Тулы, в принципе, представления о роли каждого из супругов в эротическом действии

столь же многообразны и соотносительны, сколь и у населения Санкт-Петербурга. И все же, между горожанами двух поселений рельефно проступают различия, характеризующие, по сути, один и тот же феномен — укорененность двойного стандарта. В самом деле: большее количество мужчин, проживающих в среднем городе, по сравнению с жителями мужского пола многомиллионника, отстаивают маскулинные ценности; с другой стороны, женщины-тулячки до сих пор не могут и помыслить о собственной ведущей роли в эротическом действии. Отсюда важное следствие: хотя моральные принципы, способствующие проявлению сексуальной автономии, действительно распространились повсеместно в городах европейской части России, тем не менее, судить о глубине этих трансформаций исключительно по Петербургу, безусловно, рискованно.

Столь же лаконично остановлюсь на следующем из выделенных выше показателей — «поколении», не просто влияющем, по моему мнению, на выбор деятельного субъекта эротической интеракции, но во многом фокусирующем нравственный облик любого общества. Для проведения статистической процедуры респонденты были сгруппированы в три возрастные когорты: «молодую» (1975–1981 г.р.), «среднюю» (1955–1964 г.р.) и «старшую» (р. до 1944 г.), а затем их мнения сравнивались между собой. Менее чем каждый пятый петербуржец, не достигший к моменту опроса двадцати четырех лет, отстаивал основополагающие принципы мужского сексуального стереотипа — экстенсивность и фаллоцентричность; почти 70% высказались в пользу равных возможностей партнеров проявить себя в интимной сфере; менее десятой части молодых людей затруднились ответить на вопрос. И лишь 2% респондентов вошли в радикальное противоречие с традиционным шаблоном; иными словами, женщинам отдают пальму первенства ничтожное число представителей младшего поколения. Следующая когорта петербуржцев демонстрирует промежуточное (между «молодыми» и «старыми») мировосприятие. Так, среди них обнаруживается значительное число (каждый четвертый) отстаивающих мужские «привилегии»; а вот далее, почти на том же, что и в первом случае, уровне закрепились эгалитарные аттитуды и ориентация в пользу женской экспрессивности. Откровенно патриархального стандарта (заострю на этом внимание) придерживаются горожане пожилого возраста: около 37% из них акцентируют мужское активное начало, лишь 43% склонны одобрять симметричность экспрессивной потенции и почти 14% не смогли определенно сформулировать свой взгляд.

Большее различие между «молодой» и «пожилой» когортами фиксируется в среднем городе. Каждый четвертый молодой туляк приписывает сексуальную инициативность и экспрессивность исключительно мужчине, пожилые вдвое чаще придерживаются того же мнения; почти три четверти молодой популяции высказались за эгалитарное взаимодействие, в то время как только каждый четвертый из числа старших поколений отстаивал тождественную позицию и, наконец, среди не сумевших однозначно ответить на вопрос оказалось, соответственно, 5 и 19%. Сравнивая население двух городов, склоняешься к такому выводу: расхождение во мнениях между петербуржцами и туляками, в принципе, менее существенно, чем между «молодым» и «пожилым» поколениями внутри подвыборок.

С позиции трактуемого мною критерия «нормы» можно отметить следующее: на фоне существенной зависимости сексуальной активности от возраста

и, отчасти, пола деятеля, влияние его брачного статуса оказалось весьма скромным. К примеру, в тульской выборке замужние (женатые) и незамужние (холостые) в равной мере (почти каждый третий) приписывают сексуальную инициативность мужчине, также количественно (по 62%) совпадают мнения состоящих и не состоящих в браке по поводу симметричных возможностей полов в эротическом взаимодействии. Только по одной позиции обнаружено отличие: незамужние/холостые в большей степени, чем замужние/женатые (3 против 0,4%) предсказывают вероятность роста женской инициативности. Убежден, что не ошибусь, если предположу, что и в данном случае возраст оказался решающим в выборе предпочтений. В Петербурге картина не столь прозрачна. Однако и здесь преобладание возраста над брачным статусом очевидно: молодые (как правило, еще незамужние/холостые) относительно меньше указывают на желательность проявления инициативности со стороны мужчин и, напротив, большую — женщин. Помимо того, незамужние (несомненно, в своем большинстве молодые) петербурженки реже тулячек приписывают мужскому полу активность в сексуальности.

Ясно одно: в мегаполисе качественные перемены эротической деятельности женщины прослеживаются четче и картиннее, чем в среднем городе.

Высветить наиболее скрытые грани эротического обновления и изменение статуса женщины в сексуальной интеракции в конце текущего столетия я попытался и другим методом — при помощи интервью, выстроенного вокруг острого, претендующего на вековечность соображения Симоны де Бовуар, предложив письменно поразмышлять над ним группе экспертов*. Вот высказывание французской феминистки: «Многие современные женщины, хотя и борются за свое человеческое достоинство, воспринимают эротическую жизнь как рабство. Именно поэтому им кажется унизительным лежать под мужчиной, ощущать в себе его половой член, от этого они становятся фригидными. Однако если бы реальность была иной, то и символический смысл любовных жестов и поз воспринимался бы иначе. Так, женщина, которая платит любовнику, которая чувствует себя выше его, может гордиться своей полной пассивностью и считать, что она его поработала, поскольку силы приходится тратить только ему» [17, с. 804]. Мой вопрос формулировался следующим образом: «Согласны ли Вы с высказыванием в целом? («Да», «Нет»). Пожалуйста, обоснуйте свою позицию...». Затем текст был разделен на два фрагмента. Первый из них начинался так: «Многие современные женщины...» и заканчивался словами «...ощущать в себе его половой член, от этого они становятся фригидными». Мой вопрос: «Можете ли Вы расценить свою эротическую жизнь на любом жизненном этапе как рабство или, напротив, как свободный и равный союз, хотя и "под мужчиной"»? Другой фрагмент звучал следующим образом: «... женщина, которая платит любовнику и т.д.». Спрашивалось: «Оказывается, можно и так, "по-женски"», рассматривать оплату сексуальных отношений. А Вы лично когда-либо задумывались над таким выходом? Поразмыслите сейчас».

* В качестве экспертов выступили десять слушательниц (женщины от 30 до 40 лет) кафедры сексологии Медицинской академии последипломного образования. Непосредственный организатор опроса — сотрудник кафедры, кандидат медицинских наук А.И. Федорова, которой я выражаю искреннюю признательность.

Несколько предварительных уточнений. Ответы, по правде говоря, давались экспертам нелегко. Некоторые из них так и не смогли подыскать нужных слов, чтобы адекватно выразить свое душевное состояние и, разумеется, их ответы отсеялись. Те же, кто в конечном счете сформулировал свои сокровенные чувства и переживания, не испытывали смущения, не комплексовали, но в то же время нарочито не бравировали, не манифестировали раскованность. Респонденты, подчеркну, использовали широкий фразеологический диапазон и лексический запас для описания интимных сопереживаний и действий, кстати, исключая употребление медицинской или «псевдонародной» терминологии. Главное, в чем невозможно усомниться по прочтении текстов, — викторианский мир, с его «судорожностью» перед Фаллосом — символом мужского верховенства, расстается с культурной сценой.

В общих чертах направленность трансформации эротического взаимодействия полов лучше всего отражают три приведенных ниже интервью.

Отчет первого эксперта. Общий взгляд. «Эротическая жизнь может восприниматься как рабство, а ощущение полового члена во влагалище, поза женщины внизу как унижение в основном тогда, когда контекст половых отношений практически не учитывает особенностей женской сексуальности, конкретных сексуальных потребностей конкретной женщины, а учитывает лишь особенности и потребности мужчины. Для женщины практически неизбежен адаптационный сексуальный период, который протекает благополучно при гармоничном соединении эротических и сексуальных аспектов общения, уважительном и заинтересованном отношении к специфическим женским потребностям. В противном случае нереализованные сексуальные желания постепенно формируют или закрепляют фригидность, что вызывает чувство обиденности, ущербности, а затем униженности и рабства, понимаемого как обязанность удовлетворять сексуальные прихоти партнера в ущерб своим ради иных, не-сексуальных целей. Чувство униженности, как мне представляется, сильно связано с запретом на вербализацию женщиной своих сексуальных потребностей и предпочтений. Запреты эти культивируются социумом и нередко родителями и связаны со сложившимся в обществе стереотипом, предписывающим женщине альтруизм, пассивность, романтические цели — «посвятить себя любимому мужчине» и т.д. Символический смысл любовных жестов и слов, как мне представляется, связан чаще с предшествующим сексуальным опытом, а не с общим положением женщин в обществе. Большое значение имеет полученная от матери или близких людей вербальная и особенно невербальная информация о ее удовлетворенности ролью женщины, о ее отношении к женской сексуальной роли, т.е. субъективной реальности».

Отчет второго эксперта. Общий взгляд. «Эротическая жизнь для меня игра, фантазия и удовольствие. Мысль о рабстве мне в голову не приходит. Если только поиграть в рабство. Под мужниной лежать не только удобно, но и приятно. Заплатить в данном случае можно в случае сексуальной игры».

Отчет третьего эксперта. Общий взгляд. «Полагаю, что для многих современных женщин так оно и есть. Если женщина в сексе задается вопросом "кто главный?", тогда вопрос власти выходит на первое место, а в нашей цивилизации власть тесно связана с деньгами: "кто платит, тот и заказывает музыку". Если женщина фригидна в ситуации, которую она для себя определяет как

"мужчина — главный" и получает удовлетворение в ситуации "главная — я", вероятно, ее возбуждает не секс, а власть. Наверное, это женщина с глубоким душевным расстройством».

Как ни удивительно, определение эротической жизни «второго» пола как *рабства* не застало экспертов врасплох. Из интервью непосредственно следует: интерпретации респондентами предложенного тезиса отличаются друг от друга, но относительно принципиального положения достигнут консенсус. Экспрессивная деятельность современной женщины уже не ассоциируется с кабалой, не воспринимается как явление, чуждое ее природе, а ощущение «в себе» мужского фаллоса и позиции «снизу» — как нравственное унижение. Теоретически как будто бы преодолен викторианский этос, квинтэссенцию которого лаконично выражает максима: дама не должна шевелить бедрами в постели. Вместе с тем, новая реальность, о которой мечтала С. Бовуар, организуется в противоречиях, флуктуациях, а посему повсюду проступают незамаскированные следы патриархальной цивилизации. Именно они-то и трактуются сексологами, скорее всего, в согласии с собственными практиками.

Одни специалисты выводят чувство исторической униженности и ущербности женщины из укоренившегося в культурном коде псевдоприродного фемининного стереотипа — пассивность, бесплотность, альтруизм, романтизм — обязывающего ее в безусловной форме удовлетворять сексуальные прихоти партнера. Эффективное преодоление этого обычая видится интервьюируемой в осознании социальными актерами субкультурной специфики своего и, соответственно, другого (*otherness*) пола. Сформулирую эту претензию несколько иначе: сегодня женщину следует воспринимать как «сплав» особого субкультурного феномена и единичной психосоматической действующей персоны. Другие специалисты сопрягают истоки многослойной женской «ущемленности» с господством в социуме гендерной иерархии и ее проекции на приватные отношения*. Отсюда — сексуальность для определенной части населения (по преимуществу женской) до сих пор выступает средством достижения иных, не собственно эротических целей. Наглядным образцом может служить широкое распространение в буржуазном этосе обвинений в так называемых «сексуальных домогательствах», которые, по мысли эксперта, чреватые по преимуществу для представителей «второго» пола душевными расстройствами, фригидностью и даже суицидом. Третьи — не исключают возможность преодоления «вторичности» при помощи конструирования женщиной сугубо своей гендерной реальности. Нарочито «выпячивая» телесность, имитируя «игру в рабство», она, тем самым, вкупе с партнером, достигает полноценного удовольствия садомазохистским нарушением границ.

По ходу следующего задания экспертам, как было сказано, предлагалось детализировать собственную позицию относительно положения: «женский эротизм — это рабство?» Каковы же реакции?

* Пропасть между полами в личной жизни — предмет неутраченных дискуссий: «...мужчина тянется к женщине как к празднику, феерии, исступлению, сокрушающему монотонность бытия, а обнаруживает в ней существо, счастье которого составляют повседневные занятия, чинит ли она нижнее белье или посещает dancing» [18, с. 171–172].

Рефлексия первого эксперта: «Мне представляется, что эротическая жизнь, скорее, не равный союз, а балансирующее состояние вокруг точки равновесия с различным размахом колебаний и чередующейся системой взаимных уступок и неизбежно взаимного подчинения. Это и придает ей "заведенность"».

Рефлексия второго эксперта: «Никогда я не расценивала свою эротическую жизнь как рабство. Повторюсь: если человек считает себя рабом или властелином, а уж тем более в сексе — это признак душевного расстройства. Что касается "под мужчиной", то кто тебе мешает — твори. У тебя есть свое тело, есть тело партнера, не нравится одно, попробуй по-другому. Сделаться фригидной, ощущая в себе половой член, наверное, можно лишь в ситуации насилия. Если женщина систематически выбирает себе партнеров-насильников, то кто же тут виноват? Она играет в игры, властные игры. А мужчина, его половой член тут не при чем».

Рефлексия третьего эксперта: «Сексуальная жизнь для меня не рабство, а равноценное партнерство. Но мне приятно было бы почувствовать иногда себя рабой, что разнообразит сексуальную жизнь, плюс мне приятно, когда инициатива исходит от мужчины. Мне нравится быть желанной».

Констатирую: высказывания экспертов относительно локального сюжета — эрос для современной женщины есть рабство — недостаточно артикулированы. Признаю, что будучи кровно заинтересованными дойти до истины, слушательницы академии неосознанно выплеснули сразу всю информацию, сделать окончательный штрих для раскрытия своей позиции оказались не готовы. И все же, надо сказать прямо, ни одна из них не солидаризировалась на сто процентов со взглядом С. де Бовуар. Вероятно, в такой откровенной постановке проблема себя действительно исчерпала. Вместе с тем, не впадая в большую ошибку, предположу, что поиск своеобразного эротического «лица» женщиной еще далек от завершения. Свидетельство тому — развернутый (хотя и ненасыщенный) спектр мнений наших экспертов по этому поводу. Одни признают полноценной сексуальную жизнь, протекающую как взаимодействие полов со специфической субкультурой, опирающуюся на перманентное балансирование от уступок партнеру к возврату «отданного» («с процентами» или без них). Вторые ратуют за преодоление в эротической интеракции «все и вся» предписания, благодаря чему, как будто бы, становится возможным достигнуть творческого апогея. И наоборот, следование традиции ведет к душевным недугам. Третьим импонируют партнерские отношения, правда, при этом оговаривается желание время от времени нарушать сию гармонию с тем, чтобы мужчина имел возможность проявить природную агрессивность, а женщина, соответственно, насладиться пассивностью или, проще говоря, женщина не прочь ненадолго соответствовать формуле: моя сила в моей слабости.

Заключая анализ мнений слушательниц академии, остановлюсь еще на одном частном сюжете — «оплата» в обмен на психофизическую пассивность. Вот мнения.

Первый эксперт: «Подобное рассмотрение "оплаты" сексуальных отношений при полной пассивности удовлетворяет не столько сексуальные потребности, сколько потребность взять социальный реванш над мужчиной вообще, как враждебным классом, за предыдущий травматический сексуальный опыт, как свой собственный, так и своих близких. Удовлетворение гордыни редко приво-

дит к истинному сексуальному удовлетворению. За этим, скорее, просматривается глубинное неприятие женщиной своей роли, когда все меряется на мужской аршин и встает проблема соревнования. Подобный способ реализации сексуального влечения мне представляется убогим и более всего унижающим женщину как предательство и приниженное отношение к своему женскому естеству и истинным сексуальным потребностям. Хотя я ничего не имею против оплаты, которая неизбежна в любом союзе как естественный и необходимый обмен эмоциями, привязанностями, обязанностями и т.д., в том числе и деньгами».

Второй эксперт: «Оплата не уравнивает, а унижит или женщину, или мужчину. Хотя в качестве игры где-нибудь на курорте я была бы не прочь заплатить красивому мальчику с благообразными манерами, тонким умом, приятным общением и выраженной сексуальностью. Для меня это было бы еще одним шагом преодоления внутренних запретов и шагом к внутренней свободе».

Третий эксперт: «Я с трудом понимаю вопрос. Да, оплата подразумевает такое частичное "порабощение". Не только в сексе, в жизни вообще. И это взгляд не "женский". Он человеческий. Другое дело, что среди людей (нормальных) оплата подразумевает выполнение определенных действий и больше ничего. Это частичное "порабощение". И оплата не подразумевает того, что работодатель в личном плане становится в чем-то выше нанятого. (Хотя многие люди, к сожалению, так это и ощущают).

Если же вопрос касается того, рассматривала ли я когда-нибудь возможность платить любовнику, чтобы чувствовать себя выше, то — нет. Мне не нужно чувствовать себя выше, чтобы получать удовольствие от секса. Кстати говоря, я зарабатываю очень мало, меня содержит муж. Однако это обстоятельство никоим образом не заставляет меня считать себя в чем-то ниже, подчиненной. Мой муж считает так же».

В сущности, проблема ставилась в двух пересекающихся плоскостях — теоретической и практической. Что касается житейского аспекта, то здесь у наших экспертов выявилось полнейшее отсутствие опыта. Иное дело — желание проиграть ситуацию мысленно: никто из молодых особ не отказал себе в удовольствии поразмышлять на заданную тему. Принципиальных разночтений среди слушательниц академии не обнаружено, идея французской феминистки, сформулированная в духе маркиза де Сада, не получила ожидаемого отклика — она была эмоционально отторгнута, рационально, по меньшей мере, не до конца понята. Наиболее любопытным представляется ход мыслей первой из респонденток. По ее мнению, замысел оплаты сексуального действия *женщиной* сопряжен с возможностью таким образом вырваться из жестких сетей гендерной иерархии. Так ли это? Платя мужчине, женщина в самом деле приобретает права на его плоть, соответственно, и на возможность (активную или пассивную) господства над ним. Однако будем помнить, что акт этот временный и заключен с конкретным лицом, а не с классом мужчин в целом, а поэтому эротическая свобода женщины, скорее, иллюзорна и, разумеется, моментально исчезнет вместе с исполнением контракта.

Возможности материала, естественно, далеко не исчерпаны, но я выполнил свою ближайшую задачу — подтвердил реальность качественной трансформации сексуальности и особой роли женщины в этом процессе.

По-видимому, уже стал банальным факт автономизации репродуктивной деятельности от эротической. Не менее важная констатация — полифункциональность сексуальной интеракции. И то, и другое — как это ни покажется кощунственным с первого взгляда — свидетельствует об утрате институтом брака роли морального критерия сексуальности. Иными словами, в настоящее время нет веских оснований делить взаимодействия мужчин и женщин в этой сфере на добрачные, брачные и внебрачные. Убежден, экспрессивные отношения мужа и жены могут превратиться в такую же релаксацию, как и в адюльтере. Отсюда в предпочтительности соотношения «любви» и «сексуальности» трудно усомниться. Любой человек (мужчина и женщина в равной мере) может в течение жизни пройти все ступени от любви до релаксации, участвуя или не участвуя в воспроизводстве новых поколений.

Литература

1. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996.
2. Кузнецова Л. В. Изучение сексуальности в России // Вестн. РАН. 1995. № 3.
3. Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: Терра, 1996.
4. Голод С.И. Изучение половой морали в 20-е годы // Социологические исследования. 1986. № 2.
5. Черных А.И. «Крылатый эрос» и промфинплан // Социологические исследования. 1993. № 8.
6. Цит по: Монтень М. Опыты. Кн. 3. М.; Л.: Наука, 1960.
7. Соловьев Вл. Смысл любви // Чтение о богочеловеке: Статьи. СПб.: Художественная литература, 1994.
8. Пас О. Солнечная система // Иностранная литература. 1997. № 7.
9. Metz-Göckel S., Müller U. Der Mann: Die Brigitte-Studie. Weinheim: Beltz, 1986.
10. Бессмертный Ю.Л. К изучению матримониального поведения во Франции XII–XIII вв. // Одиссей. М.: Наука, 1989.
11. Haavio-Mannila E., Rotkirch A. Generational and Gender Differences in Sexual Life in St. Petersburg and Urban Finland // Yearbook of Population Research in Finland. 1997. Vol. XXXIV.
12. Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис, 1998.
13. Кон И.С. Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. М.: Олимп; ООО «Фирма» — «Издательство АСТ», 1998.
14. Платон. Пир // Сочинения: В 3-х т. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль», 1970.
15. Лосева О.К., Чистякова Т.В., Либин А.В., Либина Е.В. Сексуальное поведение подростков, больных сифилисом // Вестн. дерматологии и венерологии. 1991. № 2.
16. Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство. М.: Изд-во Г.А. Лемана, 1914.
17. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1–2: Пер. с франц. / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
18. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви // Звезда. 1991. № 12.